

На озере Цинпин лениво плескались волны. Огни, рассыпанные по воде золотыми искрами, дрожали, расходясь мягкой рябью. Их зыбкие отражения покачивались, словно хмельные, и этот сонный танец завораживал случайных зрителей.

На берегу с грохотом распускались яркие цветы фейерверков, взмывали ввысь серебряные фонтаны искр, опадая сияющим дождем. Выше, в ночное небо, поднимались праздничные фонарики, озаря шумную суету, царившую у самой кромки воды.

Цинь Чжэн сидел на самой верхней палубе огромного корабля — в наивысшей точке праздника. До него доносились звуки флейт и лютен, перед взором расстиралось море праздничных огней. Однако все это казалось бесконечно далеким. На такой высоте он слышал лишь оглушительные залпы фейерверков над головой, затихающие вдали напевы да пьяный смех гостей, собравшихся на верхнем ярусе этой пятипалубной плавучей крепости.

Знающие люди помнили, кто он такой, поэтому никто не смел навязываться к занимавшему почетное место принцу со скучной светской беседой. Но столичные хлыщи, отпрыски влиятельных семейств из провинции и праздные юнцы, чьи родственники имели хоть какой-то вес при дворе, все же теснились поблизости, надеясь вставить слово.

Цинь Чжэну было недосуг разбираться, кто из них кто. Да и зачем? На этом празднике не существовало человека, чей статус превосходил бы его собственный. Отделываться от назойливого внимания он привык давно: пара ленивых, небрежных фраз — и дело сделано. Даже если кто-то замечал его холодность, возразить не смел. Принц со всеми держался одинаково высокомерно. Разве что со старыми столичными знакомцами перебрасывался парой лишних слов, но и тогда не допускал излишней фамильярности.

Впрочем, его холодность ничуть не смущала столичных повес, которые притащились за ним в этот глухой уезд Цзю. Их пыл было не охладить.

— Послушайте, ваше высочество, — один из гуляк, хмельной и покрасневшийся, развалился на стуле, обнимая за талию яркую девицу. Пошатываясь, он повернулся к принцу. — В такой праздник — и вдруг уехать из столицы? Зачем вам понадобилось в одиночестве прозябать в этом уезде Цзю?

Цинь Чжэн небрежно покачивал в руке чарку. Музыка на палубе понемногу стихала, уступая место чистым, протяжным звукам колоколов и каменных пластин-цин — это со стороны озера, зажигая огни, к центру выплывала нарядная ладья.

Принц покосился на юношу. Тот искусно притворился пьяным, но смотрел цепко и испытующе. Цинь Чжэн лениво усмехнулся:

— Праздники... И почему сразу «в одиночестве»?

Он осушил чарку одним глотком. Голос его, как всегда, звучал вкрадчиво, не позволяя понять,

что на самом деле у него на уме.

— Что хорошего в новогодней столице? В первый день — поклонение предкам, во второй — визиты к родне невесты... А дальше начинается бесконечная круговерть: тетки, золовки, невестки — все куда-то едут, кого-то навещают.

Цинь Чжэн пренебрежительно хмыкнул:

— Шум, гам, бесконечная фальшь. Сегодня кланяйся одному, завтра заискивай перед другим, послезавтра судорожно вспоминай, кому и какой подарок приличествует отправить... Не хватало еще, чтобы я гробил свое время на подобную чепуху!

Гости разразились одобрительным хохотом. Сын почетного старейшины даже захлопал в ладоши:

— Ох, ваше высочество, до чего же вы неисправимы! Все бы вам вольничать!

Внешность этого человека была зауядной, но он смотрел с тяжелой, затаенной злобой. Даже когда он смеялся, от его фигуры веяло мраком. Это был Лю Чэнянь, поздний ребенок влиятельного старейшины Лю. Чиновник обзавелся этим сокровищем, когда ему перевалило за сорок. Разница в возрасте со старшими братьями была огромной, и женщины в усадьбе баловали мальчика сверх всякой меры, словно внука, а не сына.

— Отец еще осенью порывался сосватать вам достойную партию, да вы и слушать не пожелали. Предпочли оставить все как есть и позволить вашим наложницам устраивать кавардак в усадьбе. А по мне, взяли бы жену в дом — и дело с концом. Пусть бы у нее голова болела обо всех этих визитах и подарках, а мужчине негоже тратить силы на домашние хлопоты.

Хотя Лю Чэнянь и не правил миром, в столице его капризы исполнялись беспрекословно. Никакой официальной должности он не занимал, однако среди важных сановников чувствовал себя как рыба в воде.

Выслушав его, Цинь Чжэн лениво вскинул бровь:

— Зачем губить всю весну ради одной веточки? Цветок в вазе неизбежно завянет. И что тогда делать? Выбросить его или оставить гнить? То ли дело цветущий сад, где бутоны распускаются один за другим под солнцем и дождем. Каждому сезону — своя прелесть, и в доме никогда не переводится красота. Неужели это не веселее?

Окажись здесь кто-то из старшего поколения, Цинь Чжэну мигом досталось бы за столь легкомысленные речи. Но на верхней палубе собралась исключительно разгульная молодежь под предводительством самого принца, так что его слова встретили бурные рукоплескания.

Те же, кто сидел ниже по статусу и присутствовал лишь ради приличия, промолчали, даже если их коробило подобное бесстыдство. Они лишь переглядывались, стараясь держаться незаметно, а некоторые и вовсе потихоньку покидали пиршество. На огромном корабле исчезновения нескольких человек никто бы и не заметил.

Среди хмельного гомона вновь раздался голос Цинь Чжэна:

— А что касается моего приезда в уезд Цзю... Стоило бы спросить хозяина Башни Весенней реки, через кого он умудрился передать приглашение на этот праздник в мое поместье.

Принц выдержал паузу и усмехнулся:

— Сами подумайте: что лучше — изнывать от скуки в столице под строгим надзором старших или уехать подальше, в незнакомые края, и развлекаться в свое удовольствие? К тому же мне стало любопытно. Еще до наступления зимы мне прислали несколько приглашений на этот Праздник прогулочных лодок. Отправители были разными, но все как один сулили некий невероятный сюрприз. Поразмыслив, я понял: кто-то из кожи вон лезет, лишь бы затащить меня в уезд Цзю именно к Новому году. Ну а раз зовут с таким усердием, то мне, как человеку искушенному, грех было не заглянуть в эту обитель нег и удовольствий.

Он говорил легко и непринужденно, однако зорко следил за реакцией окружающих. И не ошибся: едва прозвучали эти слова, как Лю Чэнянь на мгновение проявил раздражение. Он поспешно вернул себе невозмутимый вид, но Цинь Чжэн успел все заметить и мысленно сделал выводы.

Вдруг кто-то из гостей воскликнул:

— Началось! Девицы с ладьи выходят!

Цинь Чжэн встрепенулся. Подхватив со стола кувшин и поигрывая чаркой, он направился к галерее, на ходу позвав за собой остальных:

— Идемте, идемте! Я ведь только ради этого праздника притащился сюда загодя. Поглядим, способны ли здешние красавицы затмить прелестниц из столичного Приказа придворной музыки!

Вся хмельная орава шумно повалила вслед за ним на просторный смотровой балкон. Принц же незаметно приотстал. Скользнув тенью мимо увлечшихся зрелищем гостей, он укрылся в неприметном углу галереи вместе со своим верным телохранителем.

В середине первого лунного месяца весна только заявляла о своих правах. Ледяной ветер над озерной гладью пробирал до костей, особенно здесь, на верхотуре. Пятипалубный корабль походил скорее на плывущий терем: длинные окна со всех сторон, широкие галереи с резными

алыми перилами. Летом, должно быть, тут благодать — прохладный бриз гуляет по комнатам, шевеля невесомые занавеси. Но зимой... Зимой удовольствие было сомнительным.

Цинь Чжэн пристроил кувшин с чаркой на широкие перила и со вздохом потер виски:

— До костей проникает. Голова уже раскалывается.

Сюаньсяо негромко усмехнулся и накинул на плечи господина тяжелый подбитый мехом плащ:

— Хмельной ветер коварен, легко простудиться. Поберегите себя, молодой господин.

Принц плотнее запахнул плащ и в тусклом свете палубных фонарей принялся рассматривать судно.

Осадка у корабля была неглубокой, а нижние палубы казались приземистыми. Зато три верхних яруса взмывали вверх с удивительным изяществом. Надстройка представляла собой сложное переплетение галерей и павильонов, напоминавших соединенные углами ромбы. Лестницы, подвесные переходы и крытые мостики связывали всю эту конструкцию в единый парящий ансамбль.

— Какое великолепие, — покачал головой Цинь Чжэн. — В столице подобную роскошь на воде сыщешь разве что в императорских садах.

И дело было не только в его корабле. Озеро Цинпин бороздили десятки судов самых разных размеров, и большинство из них поражали размахом. Построить пятипалубную машину так, чтобы она держала равновесие на воде и не кренилась от ветра, — задача невероятной сложности. А ведь поблизости покачивались трех- и четырехпалубные корабли помельче, и было их без счет.

— Если бы я сам не переходил сюда по деревянным мосткам, — негромко заговорил принц, глядя на темную воду, — ни за что бы не поверил, что мы на плаву. На нижнем ярусе у самой воды чувствуешь себя как в прибрежной беседке загородного дворца. Пожалуй, здесь даже уютнее — живого тепла побольше, чем в казенных покоях.

Он оперся на перила и устремил взор вдаль. С этой высоты сцена на освещенной ладье была видна как на ладони. Некоторое время он бесстрастно взирал на изящные танцы внизу, после чего тихо вздохнул:

— Прежде я не задумывался об этом. Но отсюда, сверху, мир кажется совсем иным. Далеко не каждому дано увидеть его таким.

Сюаньсяо, стоявший на шаг позади, негромко отозвался:

— Если молодой господин пожелает, мы можем отправиться на юг. Говорят, тамошние морские корабли способны неделями идти сквозь бури и штормы, не зная преград. По сравнению с ними эти озерные лодки — лишь детские забавы.

Цинь Чжэн негромко рассмеялся и покачал головой:

— Морские суда — это грозное оружие, а не прогулочные павильоны с низкими бортами. Их глупо сравнивать.

В этот момент внимание обоих привлекли странные тени на воде. К их кораблю без единого огонька бесшумно приближались плоскодонки. Приглядевшись, они насчитали не меньше десятка лодок.

Цинь Чжэн нахмурился. Сюаньсяо мгновенно подобрался, посуровел и привычно положил ладонь на рукоять меча.

Лодчонки были совсем невзрачными, без навесов и укрытий. В слабом отблеске праздничных огней угадывались силуэты гребцов и какие-то громоздкие очертания груза. Рассмотреть подробности мешала густая ночная тьма.

Огни на ладье Башни Сбора Звёзд один за другим погасли, и судно начало медленно отходить назад. Воспользовавшись этим, темные лодки скользнули вплотную к борту пятипалубного гиганта. Люди в них принялись спешно сдвигать доски и рогожу, прикрывавшие груз, и лопатами сбрасывать что-то тяжелое прямо в воду.

Сюаньсяо сделал полшага вперед:

— Молодой господин, прикажете?..

Цинь Чжэн покачал головой:

— Вряд ли они охотятся за мной. Но на всякий случай разузнай, что происходит. Если кто-то задумал устроить здесь заваруху, то время выбрано безупречно.

Телохранитель кивнул, но оставлять принца без присмотра не решился. Он подозвал пробежавшую мимо служанку и, указав на скользящие внизу плоскодонки, негромко спросил, в чем дело. Юная служанка долго вглядывалась в черную гладь воды, но лишь растерянно покачала головой. При такой темноте она даже не разглядела крошечные лодки у самого борта.

Сюаньсяо ничего не оставалось, кроме как отправить девчонку расспросить старших слуг и вернуться с докладом.

\*\*\*

Тем временем к корме причалила небольшая лодчонка.

Закутанный в плотную куртку служитель борделя, с раскрасневшимся от мороза лицом, ловко прыгнул на палубу. Тщательно растирая окоченевшие ладони, он вежливо поклонился Сы Вэю. Было видно, что матушка Фэн заранее провела с ним строгую беседу:

— Всё исполнили, господин. Заготовленные ледяные глыбы сбросили в воду поближе к середине озера.

Сы Вэй кивнул. Лишних денег у него сейчас не водилось, поэтому пришлось ограничиться щедрыми обещаниями:

— Хорошая работа. Возвращайтесь в тепло. Я велю передать матушке Фэн, чтобы вам выставили кувшин-другой подогретого вина.

Слуга расплылся в улыбке и, радостно потирая горящие от холода щеки, поспешил убраться с ледяного ветра.

Минцзя нахмурилась:

— Неужели матушка Фэн и правда расщедрится на выпивку для прислуги? Заставить этих бездельников работать не так уж просто, но если они затаят обиду, то напакостить могут знатно.

Сы Вэй мягко рассмеялся и покачал головой:

— Хорошее вино стоит дорого, но ведь никто не собирается поить их лучшими сортами. Я заранее договорился с матушкой Фэн. Им нальют обычного дешевого рисового сусла — захмелеть не захмелеют, зато согреются и почувствуют заботу.

Если гнать крепкую водку из гаоляна, то из пяти цзиней зерна выйдет от силы половина объема. Разумеется, такой напиток влетит в копеечку. Но для простого сладкого пива из клейкого риса сырья требуется куда меньше, да и выход готового продукта получается внушительным. К тому же разница в цене на гаолян и рис играла на руку. А уж о качестве выпивки для служителей борделя и говорить не приходилось — обычное мутное пойло. Так что Минцзя зря переживала по этому поводу.

Пока ладья Башни Сбора Звёзд отчаливала, освобождая место, в центр водной арены медленно выплывало судно Башни Весенней реки. Оно замерло в условной середине озера — хотя на самом деле водная гладь простиралась еще далеко на юго-восток.

Фонари на нем зажгли, едва судно тронулось с места. Вот только свет их, в отличие от сияния ладьи соперников, был тусклым и рассеянным.

И в этом блеклом полумраке над зеркальной гладью озера Цинпин внезапно поползли первые клочья тумана.

Заметив белесую дымку, Сы Вэй наконец облегченно вздохнул. Напряжение, сковывавшее его с самого заката, немного спало.

Зимняя стужа пришлась как нельзя кстати. Полагаясь на остатки школьных знаний по физике, ему все-таки удалось сотворить чудо прямо посреди водоема. Эх, если бы он мог своими силами изготовить сухой лед! Это сэкономило бы кучу сил и средств. Не пришлось бы нанимать столько людей и заставлять их надрываться на холоде. Но ради трех праздничных представлений матушка Фэн не поскупилась: выделила не только лучшие суда Башни Весенней реки, но и предоставила в распоряжение Сы Вэя добрых две трети всех служителей борделя.

<http://bllate.org/book/18280/1771541>